

ных ценностей, то есть личность, трудом своим эмпатически сопереживающая со Всевышним.

Расположение в нашей статье литературных имён вне исторической последовательности никак не мешает исследователю делать обобщающие выводы. Более того: такое расположение доказывает, что всемирная литература – это единое произведение искусства, построенное на субстанциальных, извечных действительных для каждого момента истории вселенских моральных истинах. Единое литературное произведение, поскольку оно – часть всего сущего, то есть единого эмпатически сопереживательного созидания Господня.

Завершая нашу статью, выскажем итоговые тезисы.

Возникновение и развитие художественной литературы – креативное участие человечества в извечном Божьем творении Вселенной.

Пафос литературного движения – в триедином сопереживательном взаимодействии Бога, писателя и читателя.

Образотворчество – вид деятельности, без которого человечество не способно осознать себя как особую одухотворённую общность и, следовательно, обречено на гибель.

Восприятие литературы как воплощённого в художественном образе творческого триединства мира требует от общества – реципиента значительных, порою непреодолимых, духовных усилий. Этим обстоятельством объясняется сложность судеб писателей и их произведений в истории человечества.

Сопереживательный пафос мировой литературы определяется космичностью, вселенскостью, безграничностью духовного мира каждого их индивидов.

Триедино эмпатическая сущность художественного образа – не чья-то из людей гипотеза, а надчеловеческая объективная данность, полемизировать с которой невозможно.

Материал поступил в редакцию 11.09.12

POTOLKOV Yu.V. Soperezhivatelyny pathos of the world literature

In his article reveals the essence of his idea of the role of the emphatic unity of three units in a literature work: the God, who creates the real existence, the Writer, who depicts the reality and the Reader, who reads the plot created by the author.

УДК 820/89

Потолков Ю.В.

ЧТЕНИЕ И ПРОЧТЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Человечество встревожено: дети мало читают. Определяются причины явления, предлагаются пути к исправлению дела. А люди между тем воюют, совершают теракты, губят себя в наркотиках, в порнографии, в коррупции... Словом, ничем не доказывают свою верность высоким идеалам художественной литературы. Может быть, не те причины определяются и не те пути предлагаются?

Спрошу себя: «Много ли книг я прочитал?». Как ни старайся, ответ один: «Об этом могут судить только люди, окружающие меня. Может быть, не прочитал ни одной», то есть – я внимательно пролистывал многие книги, но вот не сумел это пролистывание превратить в праведность собственной жизни. Если бы сумел – преодолел бы свою греховность. Но остаюсь грешным. Дело не в том, сколько ты читал, а в том, сколько прочитал.

Итак, ведущей при восприятии художественной литературы сегодня оказывается *проблема чтения и прочтения*. Чтение – феномен количественный, который согласно диалектике должен перейти в качество. Однако переходит далеко не всегда. *Прочтение – это высшее искусство восприятия произведения, когда моральное богатство книги превращается в моральное богатство жизненной практики прочитавшего книги и тем самым спасает человечество от духовной, а следовательно – от физической гибели.*

Мне за свою жизнь пришлось не раз встречаться со многими людьми, для которых чтение и пропаганда художественной литературы стало профессией. Были среди них праведники, кто своею жизнью доказали своё именно *прочтение*, а не *чтение* книг. Таковой была, к примеру, брестчанка Ядвига Антоновна Чернявская, – подпольщица, партизанка Великой Отечественной войны, порядочнейший и достойнейший человек. До восьмидесяти лет она преподавала литературу в Брестском государственном университете имени А.С. Пушкина. Наследники её книжных прочтений (не чтений!) работают и сейчас и готовят младших к глубинному (то есть утверждаемому практикой своей духовной жизни) прочтению каждого из художественных произведений. То есть подлинно порядочен только человек *прочитывающий*. Таких, к счастью своему, встречаю я немало. Низкий им поклон!

Но вижу я и тех, кто, *читая* множество книг, не в состоянии *прочесть* ни одной. Такие искренне причисляют себя к числу людей широко (как оказывается, – чисто количественно) начитанных. Они поступают в жизни совсем не так, как те литературные герои, которых они славят. Часто восклицают «Возлюби ближнего своего», но реально живут по принципу «Распни!». Любый человек, оказавшийся на пути их карьеры, рискует быть уничтоженным. Словом, такие

ханжи не приближают нас к книге, а удаляют от неё. Они – вообще враги литературы, поскольку чистотой своей слезы о бедствиях человечества книга смыкает с таких обманных людей лак филологической образованности и открывает миру корыстную подоплёку их интереса к художественной литературе.

Встречаются мне и читатели иного рода. Чтение для таких – не средство для карьеры. Они – по-своему благородные личности. Их даже можно назвать нищими духом – в самом прекрасном значении этих слов. То есть они взыскуют всё нового и нового духовного богатства и никогда до конца не насыщаются. Книга для них – идеальный поводёр в мире духовной сумятицы и нравственного беспредела. Но за этим поводёрём такие действительно эрудированные люди идти не могут: сбиваются с пути, страдают и мучаются на бездорожье. Причиной этому – их ничем не оправданная уверенность в том, что художественное произведение можно *понять*, что вообще, смысл литературного творения подвластен логическому разуму любого знакомого с азбукой. А если подвластен, то, как кажется им, единственно достойная читателя позиция – скепсис.

С подобной точкой зрения согласиться никак нельзя. Никто не говорит, что подлинный читатель обязан быть инфантильным созданием, заражённым хроническим энтузиазмом. Но и скепсис – не путь к Божьей правде. Скептик тревожно вопрошает: «Как читать М. Горького, если он славил Владимира Ленина и умолчал о страданиях граждан, попавших на Соловки? А многие советские поэты с их одами в честь Октябрьской революции? А как относился к власти придержащим Алексей Толстой? И так далее, и тому подобное». Стремясь *понять* книгу, такой постигающий *не прочитывает* творение, а *читает* его. Поэтому начинает постигать художественное произведение не с литературного текста, а со сведений о его авторе. Литературно-художественный текст для такого воспринимающего существует не как воплощённое в словесном образе неповторимое вознесение души, а всего лишь как рационально постижимое подтверждение или опровержение тех или иных социально-политических или морально-нравственных идей.

Часто на путь такого одностороннего восприятия литературы становятся люди даже очень образованные и талантливые, многими трудами доказавшие глубину и оригинальность своего мировидения. Примером в данном случае может служить книга диакона Андрея Кураева «Мастер и Маргарита»: за Христа или против?», изданная в Москве в 2004 году Издательским Советом Русской Православной Церкви.

В редакционной преамбуле к книге читаем:

«Роман Булгакова «Мастер и Маргарита» включён в школьную программу по литературе, то есть признан классическим произведением. Между тем, среди православных бытует мнение, что этот роман кощунственен. Известный богослов и миссионер диакон Андрей Кураев, взяв за основу булгаковские тексты, черновики, свидетельства современников и критические отзывы, пытается понять, как Булгаков относился к христианству, каков религиозный смысл «Мастера и Маргариты» и допустимо ли христианам любить этот роман. Книга предназначена для учителей средних школ, преподавателей ВУЗов и широкой аудитории» (стр. 2).

Обратимся к приведенной цитате. Существует ли прямая связь между романом «Мастер и Маргарита» и отношением Булгакова к христианству (или же к другим философско-религиозным доктринам)? Для ответа на этот вопрос выскажем нашу мысль о том, что *бытие художественной литературы триедино*. Согласно этому взгляду в судьбе художественного образа сопереживательно участвуют три творческих аканта: Бог, Писатель и Читатель.

Духовный замысел художественного произведения *стратегически* задумывается Всевышним. Писателю (человеку-креатору) остаётся лишь *тактически* воплощать Божественный замысел в материю книги (творить род, жанр, поэтический размер, метафору и т.д.). Читатель воспринимает результат труда первых двух актантов и переживает столь глубокое духовное преобразование, что даёт Господу силу для дальнейшего творения мира. Духовное сотрудничество указанных актантов в бытии литературы требует особого – эмпатического – мировоззрения в литературоведении, учитывающего означенное триединство. Проявлением такого мировоззрения и является наша статья.

Поскольку первоисточком художественного образа является Господь, литература по замыслу своему не может выступать против Божьего «возлюби!». Так что если бы даже писатель на страницах своего труда (или в каком-либо публицистическом выступлении) прямым текстом заявил кощунственное: «Я пишу против Христа», его художественное создание всё равно утверждало бы волю Всевышнего идеала – уже тем, что оно обращено к людям, что старается освободить их от чего-то по представлениям писателя тяжёлого и ненужного и таким образом соответствует (сообразно с уровнем таланта пишущего) Библейскому «возлюби ближнего своего».

То есть М.А. Булгаков в принципе *НЕ МОЖЕТ* быть в своём романе *против Христа*. Принять любую писательскую декларацию за выражение смысла созданного им произведения – значит игнорировать саму природу художественного творчества, в котором не существует ни единой исторической личности, а действуют только персонажи (представленные в определённом материальном облике сущности Божьего творения). Даже если бы главный герой романа «Мастер и Маргарита» был назван не Иешуа, и буквально Иисусом Христом, то он всё равно не был бы идентичен всемирно известному лицу, описанному в Евангелии. Не был бы, потому что он – явление не публицистически-рациональное, а образное, с особенностями, присущими художественному отражению действительности. По этой же причине булгаковский Воланд не имеет ничего общего с Библейским Дьяволом.

Значит, художественный текст – ни в коем случае не может быть однозначной декларацией общественных представлений писателя. Недаром существует закон развития художественного образа. К примеру, у Льва Толстого были свои рациональные представления о роли женщины в обществе. Но в «Анне Карениной» он так и не сумел «воздаться», как обещал в эпиграфе к роману («Мне отмщение и аз воздам»). Не смог и убедительно описать Наташу Ростову в финале «Войны и мира». Князь Нехлюдов в «Воскресении» не дождался прощения со стороны Катюши Масловой. Почему? Не потому ли, что не Л.Толстому при всём его гении дано было *стратегически* решать каково было женщине в мире.

«Допустимо ли христианам любить роман «Мастер и Маргарита?» – вопрошает А. Кураев. Вот где на самом деле имеет смысл поставить вопрос: «За Христа такая постановка проблемы или же против?». Ведь любить – это общее правило бытия. Литература (даже остро сатирическая) ничего другого, кроме как любить, делать не может. Недаром Н.А. Некрасов о Н.В. Гоголе сказал: «Он проповедует любовь враждебным словом отрицанья». Искусство не быва-

ет «анти»: оно бывает только «за». Решение о том, любить или не любить художественное произведение – не за тем или иным мыслителем. Здесь действуют иные законы. В советское время были запрещены одни авторы. Сегодня они подняты на щит. Прежние кумиры подвергаются остракизму. Так было всегда. Но реальность иная: народ поёт песни не по очередным указаниям, «допустимо ли любить» ту или иную книгу или недопустимо.

Изучать писательские черновики, свидетельства современников, критические отзывы – дело благородное и нужное – в случае, если предметом изучения оказывается история создания произведения. Но вот когда исследователь обращён к окончательному тексту, он может воспринимать только его и убеждаться, что текст этот по глубинной сути своей выступает за идеал Господней любви, а не *против* него, – независимо от мировоззренческих интенций писателя.

Повторим сказанное выше: если текст произведения воспринимать всего лишь как рупор некоей публицистической идеи, то и прийти литературовед может только к заведомо спорным выводам. Так и произошло с книгой А. Кураева. В заключительном её абзаце автор утверждает:

«Так что не надо позорить русскую литературу и отождествлять позицию Булгакова и позицию Воланда. Если считать, что через Булгакова выразил именно свои мысли о Христе и Евангелии, то вывод придётся сделать слишком страшный. Если уж великий писатель сделал сатану положительным и творческим образом в своём романе – значит, Русская Литература кончилась. Осталась журналистика, у которой можно учиться разве что владению языком» (с. 130).

Да, позорить не надо и отождествлять не надо. Вернее, не то чтобы не надо, а невозможно. Художественное произведение – не вместилище позиции, легко улавливаемой для формулирования, а недоступный для рационального анализа мир чувствований. Можно считать одно, можно – другое. Произведению это безразлично. Оно уже состоялось и начало жить воплощением Первозамысла Господнего. Никому из смертных не высказать полного и исчерпывающего отношения к книге. Мы просто просветлённо вздыхаем или смеемся, плачем или заливаемся краской стыда. А почему – Бог знает. Не нам об этом судить.

Ставить рядом «великий писатель» и «Русская Литература кончилась», – значит или отрицать величие писателя, или утверждать, что Русская Литература не кончилась и не кончится никогда. Объявив Воланда – персонажа и Воландом – объективно существующим в сознании верующих антиподом Творца, Иешуа-га-Ноцири – Христом, многоуважаемый литературовед незаметно для себя подменил субстанцию феноменом, то есть начал рассуждать о предмете, к созданию которого писатель никакого отношения не имел.

Таким образом, книга А. Кураева, с нашей точки зрения, безосновательно утверждает приоритет «рацио» перед «эмоцио», лишает художественное произведение права самостоятельно отстаивать свою неповторимость глубину и в то же время наделяет литературоведение безграничными полномочиями в оценке художественного произведения.

Исходя из объявленных нами выше критериев (показатель *прочтения художественного произведения* – праведность связанной с этим прочтением нравственной практики индивида), многоуважаемый диакон *не прочитал* романа М. Булгакова, хотя внимательнейшим образом *читал* его. Неправедность литературоведческого подхода, в книге, о которой речь, проявилась, на наш взгляд, в рассмотрении художественного произведения (Господнего замысла, воплощённого в словесном образе) как рационального размышления человека над Божьим творением («журналистики, у которой можно учиться разве что владению языком»), в постановке вопроса: «М. Булгаков в «Мастере и Маргарите» за Христа или против?», то есть первичным предметом изучения оказался не художественный текст, а априорная публицистическая идея.

К сожалению, означенный подход А.Кураева к литературе – это не случайность, а проявление устойчивой и, надо сказать, болезненной тенденции в социуме. Наиболее очевидно означенная тенденция проявляется в школе и в вузе. Недаром книга о «Мастере и Маргарите» обращена именно к учебным заведениям.

В школе литературно-художественный материал изучается, по нашему убеждению, в неподобающем порядке: знакомство с произведением начинается (как и у Кураева) со внетекстового материала: характеристики эпохи, биографии писателя, знакомства с необходимыми понятиями теории литературы, историей создания произведения и т.д.). Ученик ещё не растворил своё сердце в строке «И божество, и вдохновенье, а жизнь, и слёзы, и любовь», но уже знает, что А.С. Пушкин – основатель новой русской литературы. Конечно, и об этом знать надо, но не заранее, то есть без божества, без вдохновенья, без слёз, без жизни, без любви.

Хорошо ещё, если оценка личности литератора носит профессиональный и доброжелательный характер. Но известно, что современная пресса часто рассказывает об известных личностях, цинично, беспардонно вторгаясь в подробности их интимной жизни. Порой неразборчивый педагог несёт такие безнравственные газетные статьи в класс. Недавно пришлось встретиться с сентенцией такого рода: «Книг не читают потому, что писатели своей жизнью не дают школьнику положительного примера. Возьмём В. Маяковского. Он жил и умер аморально. Его не будут читать». Сама эта сентенция – отрицательный пример для школьника. Высказывающийся, по сути дела, способствует малому чтению книг.

Итак, как нужно общаться с книгой: идти от текста к автору или же наоборот? При какой из этих направленностей познания возможно не чтение, а прочтение произведения? Вопрос не простой, потому что начиная постижение творчества писателя с текста, школьный учитель, вузовский преподаватель сотворяют благое дело: не учат посредством всем известной литературы, а *лечат* посредством собственного наития от встречи с образом книги. При таком подходе учитель не может опереться на мнение кого-либо из авторитетных литературоведов. Да и должен ли? Он же – Учитель!

В подтверждение этих мыслей приведу ситуацию, которая многократно (и всегда с одним и тем же результатом) возникала в моей преподавательской практике. Речь идёт об упомянутой выше строке А.С. Пушкина (И божество...). Выступая перед аудиторией, я говорил о том, что из числа присутствующих, кто-то один, возможно, испытает чувство подлинной любви. Такое моё заявление вызывало как минимум недоумение аудитории: юные были уверены, что о чувстве любви заботится сама матушка-природа. Поэтому в определённом возрасте к каждому «любовь нечаянно нагрянет, когда её совсем не ждёшь...». Подчёркиваем: к каждому, обязательно и всенепременно.

И вот тогда в качестве аргумента звучала строка «И божество, и вдохновенье, и жизнь, и слёзы, и любовь». Она становилась основой для серии риторических (обязательно рассчитанных только на внутренний потаённый диалог каждого из слушателей с самим собой) вопросов. Вопрос начальный: «Что есть твоё божество?» (В данном случае: «Что в реальности является для тебя моральным идеалом: традиции народа? советы старших? поддержка друзей? честное слово? бескорыстие? Или, может быть, деньги, карьера, материальные удобства и т.д.?»). Поскольку вслух отвечать на вопросы не предполагалось, слушатели могли давать себе ответы без утайки.

Разговор продолжался по каждому из слов строки. А до образа «любовь» дело всё не доходило. Слово «слёзы» вызывало особенно бурную полемику: «О ком плакать: о себе или о близких своих?». Если – о близких, то кто пожалеет тебя? Сам себя не пожалеешь – никто не пожалеет. А если о других... Существует же поговорка о том, что добро наказуемо... и вообще: к чему тут слёзы? Любовь – дело молодое и, следовательно, весёлое и приятное. А тут – слёзы... В конце концов студенты приходили к выводу, что любовь из пушкинской строки – не только вождение, сладострастие и влечение, но явление гораздо более богатое по чувству, требующее от личности сложнейшей внутренней работы и действительно доступное не каждому.

Итак в данном случае мы пошли по пути эмпатического восприятия текста.

Само такое восприятие строки удивляло. Оказывалось, что знакомится с подоплёкой поэзии – хоть и прекрасно, но трудно и даже мучительно, поскольку художественная строка «вскапывает» такие пласты личности, которые до встречи с поэтическим образом лежали

спокойной целиной. Личности не чьей-то, идущей рядом. Нет, поэзия «поднимает» именно мою, читателя, так бережно хранимую мной «целину». Строка А.С. Пушкина предстала перед слушателями не скороговоркой о божестве и вдохновении, которую так легко произнести, а серьёзнейшим раздумьем о серьёзнейших вещах, то есть о правде бытия. А кто любит правду о себе? О других – сколько угодно. А вот о себе... И вместе с тем такая правда притягивала, влекла к себе, вводила в лабиринты, без путешествия по которым нельзя обладать иммунитетом от обезличивающего воздействия общества.

Эмпатическое прочтение художественной литературы, как оказалось, требует нового читателя, обладающего особой духовной энергией восприятия прекрасного. Особой в том смысле, что приоритетом в его душе является не «рацио», а «эмоцио». Если художественный образ – «алмаз» духовного общения Бога с писателем, то превращать этот духовный «алмаз» в «бриллиант» сердечных переживаний – дело читателя. Читатель – не потребитель рукотворной красоты, а равноправный (наравне со Всевышним и писателем-креатором) творец, хранитель художественной гармонии и обязательно – «садовник», высаживающий обретенные им зёрна духовного спасения в почву будущих садов вечности. В ином случае строка А.С. Пушкина, о которой речь, перестанет быть живым побегом, а превратится в запыленный экспонат в скучном музее, не способный к воспроизводству божества, вдохновенья, слёз, жизни и любви.

Если мы хотим, чтобы дети начали читать книги, надо согласиться с тезой: главным (а, может быть, и единственным) наглядным пособием на уроке литературы должна быть читательская сущность самого учителя. Если этого не будет – все остальные методические изыски оказываются разукрашенной видимостью правды, а не самой правдой. То же касается и семьи: много ли, часто ли читают родители? И – что читают? А где совместное с детьми прочтение литературы?

Нередко слышишь такое: «А зачем мне, собственно говоря, читать? Писатель – человек, я, читатель, – тоже человек. Он думает по-своему, я – по-своему. У него своя жизнь, у меня – своя. И ещё надо подумать, какая из этих жизней сложнее и интереснее». – В свете эмпатического подхода к восприятию литературного образа ошибочность и даже циничность подобного суждения очевидна. Дело-то в том, что писатель (в момент творения) – личность, пре-вещающая обыденность жизни. Вспомним М.Ю. Лермонтова:

С тех пор как вечный судия

Мне дал всеведенье пророка...

А Г. Гегель сказал: «Писатель – переводчик с Божьего языка на человеческий». С этими мыслями нельзя не согласиться. Поскольку бытие литературы эмпатически триедино, литературоведение тоже должно быть эмпатичным.

Вывод из сказанного таков: актуальна сейчас не проблема малого чтения, а необходимость определиться в вопросе воспитания подлинного (*прочитывающего*) читателя. Такая определённая потребность радикального реформирования всех нынешних подходов к чтению художественной литературы (то есть – нравственных канон общественного бытия). Такое реформирование – не чья-то пустая затея или же конъюнктурная новация. Оно – реальное требование времени. Человечество либо научится *прочитывать* художественную литературу и возрастать над своим духовным несовершенством, либо будет впадать во всё большую нравственную стагнацию, результаты которой катастрофичны.

Именно катастрофичны. Об этом свидетельствует история многих и многих прошедших по земле цивилизаций. Наши предки достигали потрясающих высот в технике, но не умели преодолеть взаимной подозрительности, не были в силах пригасить в себе жажду власти, словом, не поднимались до уровня красоты, которая призвана спасти мир. Не становились *прочитывающими* читателями. И – навеки исчезали. Доводы такого рода приводят нас к мысли, что единственно верным средством против морального падения современной цивилизации является признание эмпатического творческого триединства ведущей мегаидеи общественного обновления.

Необходимость прочтения ставит перед нами прямые вопросы. И надо на них отвечать. Иного пути – нет.

Материал поступил в редакцию 04.10.12

POTOLKOV Yu.V. Reading and fiction reading

In the offered work on an example of various works of art (M. Bulgakov «The master and Margarita» and Kuraev A. «Master and Margarita: for the Christ or against?»), L.Tolstoy "Anna Karenina" and "War and peace") questions of intelligent, thoughtful reading of works of art are considered. In a counterbalance to it a peculiar grafomanstvo on the contrary, characteristic manifestation of the modern "reading" person is put.

On the other hand the acute problem of modern reading and judgment from positions of modern moral ethical standards of works written in other not only historical era, but also in other system of moral and art coordinates is lifted. Negative experience of reading Bulgakov «The master and Margarita» one of modern orthodox philosophers Andrey Kuraev is indicative in this regard, according to the author.

УДК 346.11

Птичкина С.А.

СПОСОБЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ВО ВНУТРЕННЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Взаимодействие государств в рамках мирового сообщества никогда не было и не является хаотичным, стихийным и бессистемным. Оно всегда определялось как объективными, так и субъективными факторами. С момента возникновения государств и их первого вступления в общение между собой появилась необходимость определения их взаимных прав и обязанностей, вызвавшая к жизни систему международного права. За долгие годы своего существования человечество так и не изобрело другой кроме международного права общей основы, необходимой для упорядочения общения, для регулирования своих взаимоотношений, для решения спорных вопросов.

В настоящих условиях взаимосвязанного и взаимозависимого мира, в условиях глобализации мирохозяйственных связей международное право является единственной альтернативой произволу и насилию, дающей возможность государствам совместными усилиями решать проблемы выживания и развития стран и народов. Хорошо известно высказывание одного из основоположников науки международного права Гуго Гроция о том, что именно в нормах права формируется справедливость, ибо только через право можно избежать положения, при котором каждый стремится только к собственной выгоде. Более того, история дает многочисленные свидетельства того, что даже самые могущественные государства при определенных обстоятельствах ищут защиту своих интересов в международном праве.

Международное право сегодня выражает общечеловеческие ценности, близкие всем и объединяющие все народы. Оно представляет собой общедемократическую основу совместных усилий государств, народов и индивидов в целях обеспечения безопасности и развития каждого не за счет другого, а в интересах всех, что требует признания, прежде всего, принципов свободы выбора и баланса интересов. «Не случайно большая группа так называемых освободившихся государств, первоначально чрезвычайно негативно и скептически относившаяся к современному международному праву, рассматривая его как сговор великих империалистических держав, достигнутый без их участия, и требуя его радикального пересмотра, в настоящее время все чаще и чаще обращаются к нему в поисках защиты своих жизненно важных интересов, вырабатывая свою собственную позицию по ключевым проблемам, институтам и отраслям современного международного права» [1,214].

Система международного права складывалась исторически. Одни отрасли и институты возникли много веков назад и в своем развитии претерпели существенные изменения, другие появились сравнительно недавно, а есть и такие, которые находятся лишь в стадии становления.

В доктринах буржуазной доктрине международного права было широко распространено деление международного права на право войны и право мира. Такое деление появилось в XVII в. во времена Тридцатилетней войны и принадлежало Гуго Гроцию, который справедливо считается создателем первой стройной системы международного права. Гроций не применял к международному праву сам термин "система", но подчеркивал, что до него "никто не излагал в целом и в последовательном порядке то право, которое определяет

отношения между многими народами или их правителями".

Среди построений системы международного права выделялась конструкция Ф. Мартенса, который проводил четкую границу между системой международного права и системой науки международного права. Само международное право он делил на публичное, имевшее своим предметом регулирование юридическими нормами непосредственных отношений государств друг с другом в области международных оборотов, и частное - уголовное международное право, которое, по его мнению, определялось правосостоянием подданных в области международных отношений, вызванных частно-правовыми интересами и необходимостью их уголовной охраны. «Исследуя историю системы международного права, В. Оутрата в своем курсе подметил, что гроциевская схема, где в системе международного права превалировало право войны, господствовала до XIX в. С развитием экономических связей между государствами начался процесс разграничения международного права на другие сферы, и со второй половины XIX в. стал возрастать удельный вес и признание международного права мира» [2,134]. Некоторые представители общей теории права, как и ряд юристов-международников, считают, что те положения, которые выработаны в общей теории права для определения важнейших параметров национальной системы права, целиком применимы и к международному праву. Так, С.С. Алексеев, анализируя структуру советского права, говорил о том, что "в принципе к определению структуры международного публичного права следует подходить с тех же позиций, с каких освещается структура национальных правовых систем» [2, 345]. С.А. Калинин, останавливаясь на общетеоретических положениях системы внутригосударственного права, указывал, что "общетеоретические положения о системе права, о ее классификационных критериях полностью применимы и к области международного права» [1, 284].

Однако стремление перенести в область международного права те критерии, которые предлагаются для построения системы национального права, неперспективно.

Во-первых, таких общепризнанных критериев для системы национального права пока нет. Хотя некоторые ученые и полагают, что предмет и метод регулирования служат наиболее приемлемыми параметрами для разграничения системы национального права на отрасли, это положение все еще остается дискуссионным.

Во-вторых, международное право – своеобразное явление, и попытки подхода к нему с мерками национального права, особенно в вопросах системы, вряд ли оправданы. В этих случаях всегда должна учитываться специфика международного права. Система международного права - результат действия ряда факторов объективного и субъективного порядка, определяющих развитие международных отношений и права, их регулирующего.

Степень воздействия международного права на национальное право зависит от многих факторов. В правовых системах различных стран содержатся разные подходы к определению места и роли норм международного права в национальных системах. Однако основополагающим принципом международного права является прин-

Птичкина Светлана Алексеевна, старший преподаватель кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

Гуманитарные науки